УДК 80(058)

DOI 10.17516/2311-3499-019

К ПОСТРОЕНИЮ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ: СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

А.А. Чувакин, Э.В. Малыгина

Статья входит в цикл публикаций по теме филологической теории коммуникации. В первой и второй статьях сформулированы соответственно предпосылки и основания филологической теории коммуникации. В настоящей статье осуществляется дальнейшая разработка предметной области названной теории, а именно выдвигаются и кратко характеризуются важнейшие филологические категории коммуникации: многоязычие, диалогичность, эвокативность, интерпретативность. Эта задача решена на основе современного понимания филологии как области знания, которая объединена идеей многообъектности, отличается методологическим единством и коммуникативной ориентированностью. Выдвигаемые категории позволяют филологически описать важнейшие грани речекоммуникативной деятельности человека по созданию и восприятию сообщения средствами языков коммуникации: многоязычие описывает инструмент речекоммуникативной деятельности (языки коммуникации), диалогичность – ее базовый принцип, эвокативность и интерпретативность – сугубо человеческие механизмы создания и восприятия сообщения. Данные категории функционируют интегрированно. Результаты исследования направлены на продвижение в решении главной проблемы современной филологии – проблемы понимания – и рассчитаны на повышение уровня осмысления коммуникативной практики, преодоление разрывов в речекоммуникативной жизни общества, развитие филолого-коммуникативного знания. В этом состоит теоретическая значимость и практическая ценность исследования. Материалы исследования: разнородные в родо-жанровом отношении письменные тексты на русском языке, записи актов профессиональной и академической коммуникации из сферы обучения русскому языку китайских магистрантов (в мессенджере WeChat в режиме on-line и на учебном занятии). Основной метод исследования: филолого-коммуникативный анализ, который в отдельных случаях сопровождается моделированием и мысленным экспериментом.

Ключевые слова и фразы: филологическая теория коммуникации; филологические категории коммуникации; филолого-коммуникативный анализ; многоязычие; диалогичность; эвокативность; интерпретативность.

ON THE CONSTRUCTION OF THE PHILOLOGICAL THEORY OF COMMUNICATION: ARTICLE THREE

A.A. Chuvakin, E.V. Malygina

The article is included in a series of publications on the topic of the philological theory of communication. In the first and second articles the premises and foundations of the philological theory of communication are formulated accordingly. In the present article further development of the subject area of the above theory is carried out, namely, the most important philological categories of communication are put forward and briefly described: multilingualism, dialogicality, evocativeness, interpretativeness. This task is solved on the basis of modern understanding of philology as a field of knowledge, which is united by the idea of multi-objectivity, differentiated by methodological unity and communicative orientation. The proposed categories allow the philological description of the most important aspects of a person's speech communication activity in the creation and perception of a message by means of languages of communication: multilingualism describes the tool of speech communication activity (languages of

communication), dialogicality is its basic principle, evocativity, interpretativity – purely human mechanisms for creating and perceiving messages. These categories function in an integrated manner. The results of this research are aimed at promoting the solution of the main problem of modern philology – the problem of understanding and are designed to increase the level of comprehension of communicative practice, to overcome gaps in the communicative life of society, to develop philological- and -communicative knowledge. This is both theoretical significance and practical value of the study. Materials of research: literary written texts in Russian in heterogeneous genres, records of acts of professional and academic communication from the sphere of teaching the Russian language of Chinese undergraduates (in the WeChat instant messenger in on-line mode and in the classroom). The main method of research: philological-and-communicative analysis, which in individual cases is accompanied by modeling and thought experiment.

Keywords and phrases: *philological theory of communication; philological categories of communication; philological-and-communicative analysis; multilingualism; dialogicality; evocativity; interpretativity.*

Введение. В конце XX в. Е. Barnouw, специалист области коммуникативных наук, утверждал: «Modern society is to an astonishing extent the constantly evolving product of this revolution. The centrality of communication in human history has become clear, explaining why such varied disciplines as anthropology, arts, education, ethnology, history, journalism, law, linguistics, philosophy, political science, psychology, and sociology have all gravitated toward the study of communication processes» [Barnouw 1989: 29] – «Современное общество есть в удивительной степени постоянно развивающийся продукт этой революции. Центральная позиция коммуникации в человеческой истории не вызывает сомнения и объясняет, почему такие различные дисциплины, как антропология, искусство, образование, этнология, история, журналистика, юриспруденция, лингвистика, философия, политология, психология, социология, все более тяготеют к изучению процессов коммуникации» (перевод мой. – А.Ч.). В приведенном суждении можно усмотреть не только итоги, но и перспективы развития теории и практики коммуникации. В частности, представляется, что перечисленные дисциплины, обращаясь к коммуникации, порождают «свои» отдельные научные направления. В их числе видится и направление, задача которого – филологическое исследование коммуникации.

Идея филологической теории коммуникации выдвинута А.А. Чувакиным в докладе на II Всероссийском научном семинаре «Человек – коммуникация – текст» (Барнаул, 14–18 апреля 1998 г.). В публикациях [Чувакин 2011; Чувакин 2012] сформулированы соответственно предпосылки и основания филологической теории коммуникации. Главная проблема, решение которой стоит на очереди, – дальнейшая разработка предметной области филологической теории коммуникации, а именно построение ее понятийно-категориального аппарата, методов и инструментария, структуры и др. фундаментальных вопросов.

Цель настоящей статьи – дать анализ первой из названных проблем в части, касающейся категориального аппарата, т. е. осмыслить совокупность филологических категорий, адекватных коммуникации как предмету описания. Задачи статьи: представить названные категории, определить их значимость в филологическом описании коммуникации, привести иллюстративный материал, провести развернутый филологический анализ двух событий коммуникации; важная задача – продемонстрировать взаимные связи категорий. Гипотеза исследования: филологические категории коммуникации размещаются на разных этажах филолого-коммуникативного знания (коммуникативное знание выступает объектом осмысления, филологическое знание – инструментом), в связи с чем изучаемые категории могут быть квалифицированы как филолого-коммуникативные; они нацелены на описание речесовместимой деятельности человека как «ядра» теоретической картины коммуникации, рассматриваемой «глазами» филолога. Филологический взгляд на коммуникацию осуществляется на основе следующих преобразований объектов филологии [Чувакин 2012: 150–155] в адекватные «опорные точки» в коммуникации как

объекте исследования: *homoloquens* → *homo communicans*; естественный язык → язык коммуникации; текст → сообщение. Центральное место в этой системе «опорных точек» принадлежит *homo communicans*: недаром модели социальной коммуникации не обходятся без фигуры человека (коммуниканта / коммуницирующего / говорящего / пишущего / адресанта / адресата etc.), различаясь чаще всего параметрами характеристики и степенью охарактеризованности человека.

Материал и методы исследования. Разработка идеи шла преимущественно на материале объектов русскоязычной культуры, традиционно проходивших «по ведомству» коммуникативных наук (газетное рекламное и брачное объявления; реклама недвижимости и риэлторских услуг; политический плакат; агитационная листовка; отдельные жанры интернет-коммуникации и др.); особое место в этом ряду занимают тексты прозы В.М. Шукшина [Чувакин, Демидова, Малыгина 2015]. Исходя из сказанного, в настоящей статье привлекается фактический материал двух видов: 1) разнородные в родо-жанровом отношении тексты на русском языке – в иллюстративных целях; 2) записи актов профессиональной и академической коммуникации носителей русского и китайского языков (записи произведены в одном из вузов КНР, где российские преподаватели ведут обучение студентов русскому языку; первая запись воспроизводит профессиональный диалог в мессенджере WeChat в режиме on-line, вторая – учебное задание по русскому языку, выполненное магистрантами) – в аналитических целях.

Филолого-коммуникативное пространство, в котором размещается исследование, предполагает филолого-коммуникативный подход и соответствующие методы исследования. В основе последних лежит традиционно принятый в филологических науках анализ, скорректированный избранным подходом: филолого-коммуникативный анализ, который в зависимости от материала и решаемых конкретных задач выступает инструментом исследования языков коммуникации, диалогичности, эвокации, интерпретации. В отдельных случаях анализ дополняется моделированием и мысленным экспериментом.

Филологические категории коммуникации. В состав филологических категорий коммуникации, которые рассматриваются в статье, входят следующие: многоязычие, диалогичность, эвокативность, интерпретативность.

Многоязычие. В социолингвистике понятие двуязычия / многоязычия используется применительно к факту владения человеком двумя / более чем двумя естественными языками, например родным и «вторым родным»; родным, «вторым родным», иностранным. В теории текста, при изучении текстовой неоднородности, многоязычие рассматривается как «to, že se v rámci textu vyskytují prostředky několika národních jazyků» – «тот факт, что в тексте представлены элементы нескольких национальных языков», «forem a funkcí... a jak tyto prvky přispívají k utváření jejich smyslu» – их «формы и функции...и как эти элементы способствуют формированию их (текстов. – А.Ч.) значения» (перевод мой. – А.Ч.),– приводит [Saicová Římalová 2005: 94] слова П. Мареша в своей рецензии на его монографию «Also: nazdar! „Aspekty textové vícejazyčnosti» (Karolinum: Praha, 2003. 233 p.).

При филологическом изучении коммуникации многоязычие может быть квалифицировано как категория, в которой обобщаются факты присутствия в акте коммуникации элементов более одной коммуникативной системы лингвистической природы (1) или хотя бы одного элемента коммуникативной системы лингвистической природы и связанных с ним элементов коммуникативных систем нелингвистической природы (2). Приведем материал, иллюстрирующий каждую из групп проявления многоязычия:

(1): *Если б проделать такой же опыт с художником вроде И.Е. Репина и заказать ему на протяжении восьми месяцев три картины: одну а là Репин, другую а là Гоген и третью а là Малевич!* (К.С. Станиславский. *Моя жизнь в искусстве*); *В качестве conférencier на этих капустниках впервые выступил и блеснул талантом наш артист Н.Ф. Балиев (ibid.); Как раз в эту критическую для меня минуту один из шоферов окликнул меня: “Monsieur Stanislavsky?!” (ibid.);*

(2): Из рассказа О. Зоберна «Пацанский гримуар»: Непосредственно перед окукливанием пацан должен выбрать, что для него важнее: а) самосознание; б) реакция других. См. рисунок:

В актах коммуникации наблюдается взаимодействие элементов естественных и искусственных языков, параязыков, языков культуры, речевой (коммуникативной) ситуации и др., что приводит к возникновению смешанной коммуникации [Чувакин 2014: 24–27]. Подчеркнем, что ее базой является естественный язык в его звуковом, графическом, интернет-виде, литературной и нелитературных формах, национальных и региональных вариантах, социальных и профессиональных, функционально-стилевых и иных разновидностях.

В современной коммуникации многоязычие отличается многофункциональностью. Оно – знак времени в коммуникации; инструмент функционально-смыслового наполнения / обеднения сообщения, что ведет к углублению или затруднению понимания; способ создания диалога коммуникантов и уклонения от диалога, ухода от истины в область коммуникативной правды / лжи; путь, обеспечивающий дискурсные смещения; фактор индивидуального стиля коммуниканта и др.

Приведем запись профессионального диалога в мессенджере WeChat в режиме on-line. Участники диалога – китайский методист кафедры и преподаватели русского языка как иностранного (обозначим методиста К и преподавателей SB, E, R, V, С, ZH, S). Диалог имеет информационный характер.

30.08.17 8:56

К: Сообщение: сегодня (30 августа) 13:10 все иностранные преподаватели собираются в новом кабинете (корпус 6, 6 этаже) на собрании.

SB: 我有上课.

E: У меня тоже в это время занятие.

R: У меня тоже.

E: По какому вопросу будет собрание?

V: Я приду.

С: У меня хоть и нет урока, но у меня есть другая работа, потому что я не знала о собрании.

К: Для занятия лекционные часы посчитают, если бы (были. – Э.М.) занятия. Тогда попозже.

С: Чего попозже?

К: Попозже посчитают лекционные часы.

ZH: Я не приду. У меня занятие.

S: Ok! Я буду!))))

К: Хорошо, я передам.

SB: 第三周的星期一, 我有另一类至五小时二十分钟.

К: 什么 课?

SB: 六名学生在九月在河上俄罗斯的竞争, 我教他们.

С: SB, вообще-то на факультете русского языка пишут по-русски (<https://www.wechat.com/ru/> Дата обращения: 20.02.2018).

Выбор языка коммуникации (русского) произведен всеми участниками речекоммуникативного акта, кроме SB, на основе традиции общения преподавателей РКИ на русском языке. Это способствует пониманию и развитию коммуникативных навыков обеих сторон: преподаватели РКИ строят типизированные, удобные для восприятия китайского методиста высказывания. Методист К получает дополнительную практику общения на русском языке. Использование коммуникантом SB высказываний, построенных посредством иероглифических элементов китайского письменного языка, вопреки принятой традиции, затрудняет его понимание остальными преподавателями, владеющими китайским на базовом сертификационном уровне. Обращение SB к китайскому языку происходит, возможно, либо потому, что он не знает традиции (SB начинает работать в этом вузе), либо по какой-либо иной причине: например, чтобы позиционировать себя как человека, владеющего китайским языком на более высоком, чем другие преподаватели, уровне; в любом случае здесь действует фактор *homo communicans*.

Диалогичность. Традиционно в филологии и коммуникативных науках диалог рассматривается как форма речи (коммуникации), противостоящая монологу. В современном гуманитарном знании вызревает идея диалогического принципа языковой (и не только языковой) коммуникации (В.Б. Кашкин), диалогичности как особенности отдельных жанров (А.М. Василик, Е.И. Клинка). В трудах по филологии на основе диалогичности как свойства (качества) речи / коммуникации описывается письменная научная речь (М.Н. Кожин), журналистика соучастия (И.М. Дзялошинский), малая проза В.М. Шукшина (Г.В. Кукуевой, Г.Г. Хисамовой, А.А. Чувакиным и др.), проза А.П. Чехова (Н.В. Изотовой), философская проза в межкультурной коммуникации (А.П. Джурой), интернет-коммуникация (А.А. Шмаковым) и др.

В основе современного представления о диалогичности лежит учение М.М. Бахтина о диалогических отношениях, которые свойственны и коммуникантам, и высказываниям, и иным компонентам коммуникативного акта [Бахтин 1997: 237, 239]. Философский анализ диалога и коммуникации в развитие идей М.М. Бахтина позволил интерпретировать диалогичность на основе принципа «двух логик», сориентированных «к одной предметности. Диалог – это выяснение ценностных и смысловых позиций друг друга. <...> диалог – это особая организация коммуникативных отношений, предполагающая равенство сторон коммуникации» [Диалог и коммуникация... 1989: 27], которое, например, по И.М. Дзялошинскому, обеспечивается способностью собеседника «воспринимать другого как человека, имеющего право на собственное мнение» [Дзялошинский 2006: 46].

В приведенных положениях диалогичность характеризуется, по сути дела, как филологическая категория коммуникации, и в филологических, и в коммуникативных науках выражающая сущность коммуникативных отношений между участниками (рече)коммуникативного акта, определяет статус и место сообщения как его элемента. Так, в приводимом ниже фрагменте письменного монологического текста автор задает равенство автора-профессора и читателя-студента как участников речекоммуникативного акта: монологическое сообщение выстраивается как беседа. Это определяется не только языковыми, речевыми и собственно коммуникативными средствами (что легко обнаруживается при внимательном знакомстве с текстом), но и графически: текст, состоящий из 37 строк, членится на 7 абзацев, а это дает читателю возможность поразмышлять над каждым компонентом сообщения и выработать ответные позиции, сформулировать свои вопросы к тексту. Ниже, в иллюстративных целях, приводим три первых и два последних абзаца названного фрагмента:

V.6. О научном достоинстве

В разделе IV.2.4. говорилось о научном смирении, которое должно пронизывать и методологию работы и ваш подход к работам предшественников. Теперь два слова о научном достоинстве в интонации вашего текста.

Мало что так раздражает, как студенческие работы (а случается, и печатные научные), полные *excusationes non petitae*.

“Не обладая безусловной квалификацией для обсуждения данной проблематики, мы все же позволим себе выдвинуть гипотезу, что...”

<...>

И даже если вами создается компилятивная работа, цель коей – обобщить все сказанное прежде вас по данному вопросу, и вы не покусаетесь на новаторство, все же вы – самый главный знаток того, что было сделано другими знатоками. Никто не может разбираться лучше вас во всем, что было некогда написано по теме вашего диплома.

Разумеется, работать надо было так, чтоб на защите не трястись от страха. Но это уже другой разговор... Как вы должны держаться? Без слезливости, без комплексов, то есть без занудства (У. Эко. Как написать дипломную работу). Равноправие отношений – это только один из вариантов реализации категории диалогичности; другой вариант – отношения антидиалогические. Взаимодействие названных вариантов хорошо просматривается в межперсонажной «сшибке», неоднократно воспроизведенной в рассказах В.М. Шукшина [Чувакин, Демидова, Малыгина 2015: 47–60], что вызывает сложные диалогические отношения в системе автор – текст – читатель.

Приведенные характеристики диалогичности обуславливают значимость этой категории как организатора текстового пространства. П. Руднев замечает о пьесе И. Вырыпаева «Танец Дели»: «Поворотная пьеса 2009 года «Танец Дели» базируется на стремительном диалоге, почти лишенном физического действия, где медленно, привычным тавтологическим образом, близким к культуре катехизиса и маевтики платоновского диалога, персонажи вырабатывают для себя житейские установки и нормативы, отказываясь от ложных постулатов и вырабатывая подлинные» [Руднев 2017: 151–154].

С точки зрения реализации категории диалогичности диалог иногда является более сложной речекommunikативной формой: диалогическая форма не означает «автоматической» диалогичности. Обратимся еще раз к профессиональному диалогу в мессенджере WeChat в режиме on-line (см. подраздел «Многоязычие»). Реплики диалога (за исключением реплик SB) содержат знаки равноправия партнеров. Таковы, например, вопросительные высказывания ориентированные на более сложный ответ, чем *Да / Нет* (Е: По какому вопросу будет собрание?); участие собеседников в диалоговедении (С: Чего попозже? К: Попозже посчитают лекционные часы); участниками акта коммуникации создаются высказывания вне категорической модальности и др. Вновь отдельно рассмотрим реплику SB. В ней нарушается равенство сторон: коммуникант выделяет собственный канал связи (иероглифическую систему китайской письменности) с собственным адресатом (методистом К). Высказывание С «SB, вообще-то на факультете русского языка пишут по-русски» демонстрирует попытку вернуть SB в число равноправных участников общения. Лексическое средство *вообще-то* (смягчающая частица – *то*) и лексема *пишут* с обобщенной семантикой снимают жесткую категоричность высказывания преподавателя С, обращенного к SB. Тем самым реализуется попытка преодолеть антидиалогический характер взаимодействия SB с коллегами.

Эвокативность и интерпретативность. Названные категории рассматриваются в одном ряду не случайно: они описывают разные стороны одного механизма (речекommunikативной) деятельности homo communicans, содержанием которой является создание и восприятие сообщения. Напомним следующее замечание У. Чейфа: «восприятие является интерпретирующим» (курсив автора. – А.Ч., Э.М.) [Чейф 1983: 37].

В категории эвокативности предстает деятельность по созданию сообщения. По образному выражению чешского литературоведа и переводчика Р. Паролека, «a pro čtenáře i překladatele je to

vstupní brána do díla» – «и для читателя, и для переводчика это входные ворота в произведение». Что же касается категории интерпретативности, то в ней представлено то, что создано: «spisovatelův umělecký model člověka a světa» [Parolek 1979: 201] – «авторская художественная (в случае художественной коммуникации. – А.Ч., Э.М.) модель человека и мира» (в обоих случаях перевод мой. – А.Ч.), эвоцированная в наших (не авторских!) представлениях.

В качестве иллюстративного материала используем фрагменты текстов разной родо-жанровой принадлежности.

Приведем две группы объектов эвокации и интерпретации: 1) фрагменты действительности и 2) фрагменты речекоммуникативной деятельности.

Первую группу проиллюстрируем материалами словарной статьи из энциклопедического словаря (1а) и стихотворения С. Есенина (2), в которых эвоцирован клен:

Клён, род деревьев и кустарников сем. клёновых. Ок. 150 видов, в Евразии, Сев. Африке, Сев. и Центр. Америке; в СССР ок. 30 видов. Растут в листв. и смешанных лесах. К. остролистный, татарский, полевой, явор и др. используют в защитном лесоразведении, для озеленения, древесину – в произ-ве мебели, муз. инструментов и др. (Советский энциклопедический словарь, 1982) (1а);

Клён ты мой опавший, клён заледенелый, / Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой? / Или что увидел? Или что услышал? / Словно за деревню погулять ты вышел. / И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу, / Утонул в сугробе, приморозил ногу <...> (С. Есенин. Клен ты мой опавший...) (1б).

Оба сообщения посвящены одному и тому же объекту действительности: клену; другие компоненты содержания не повторяются. Что касается интерпретаций объекта, то они обусловлены прежде всего сферой его «размещения»: в случае (1а) таковой является информационное пространство, а в случае (1б) – художественное. Тем самым определяется и эвокация и интерпретация их.

Иллюстрацией фрагмента речекоммуникативной деятельности может служить фрагмент высказывания персонажа повести С. Антонова, где воспроизведено сообщение, содержание которого распределяется между репликой персонажа и авторским монологическим словом:

Из-за кустов орешника выглядывало строение, больше похожее на дачу, чем на деревенскую избу. Стены его обиты вагонкой, сбоку пристроена застекленная веранда, перед окнами и ограда из строганых планок, крашенных голубой масляной краской, – как в городском садике.

– Заведующая сельпо проживает, – сказал Иван Саввич.

За домом заведующей стоит крепкий пятистенки Васюковых (С. Антонов. Дело было в Пенькове). Прямая речь персонажа представлена неполным высказыванием: не замещена позиция тематического компонента: *где?* Этот компонент размещен в несобственно-прямой речи и представляет собой описание компонента со значением места. Приведенный фрагмент текста заимствован из главы «Избы», что определяет не только содержательные, но и смысловые (=интерпретационные) варианты. Выбор актуального варианта детерминирован – во многом! – личностью интерпретатора (=homo communicans в его интерпретирующей деятельности).

Спроецируем характеристики двух последних категорий на обсуждаемую в статье тему.

В нашем случае эвокация сохраняет четырехзвенную структуру: от объекта и средств эвокации – через процесс – к продукту. Выбор объекта эвокации определяется инициатором акта коммуникации; это может быть и фрагмент действительности (реальной, вымышленной, мнимой), и фрагмент коммуникации (любой разновидности). Реализация структуры осложнена прежде всего тем, что объект эвокации может быть воспроизведен не только средствами одной коммуникативной системы, но и более чем одной, не только средствами естественного языка, но и при участии элементов иных коммуникативных систем (средствами смешанной коммуникации). Так сообщение оказывается распределенным между средствами разных языков коммуникации и возникает функционально-смысловая сложность процесса и, разумеется, продукта. Продуктом эвокации, вообще говоря, выступает текст; в нашем же случае значимым является его

сообщительная сторона (текст как сообщение). Появляется новая линия диалогических отношений, участниками которых становятся компоненты сообщения.

Это осложнение оказывается значимым и при интерпретации. При сохранении своей общей структуры и направленности [Матханова, Трипольская 2004: 8–17] интерпретативный компонент речесуобщительной деятельности протекает затрудненно, что вызвано тем же самым распределением сообщения между элементами и средствами языков коммуникации. У «правого» участника коммуникации появляется «добавочная» задача (и соответственно новое звено в интерпретационной структуре): истолковать распределение содержания сообщения, функционально-смысловой вес элементов и средств языков коммуникации, целевую установку инициатора речесуобщительного акта, что и почему потребовало от инициатора прибегнуть к смешанной коммуникации и т. д.

Проведем развернутый анализ учебного задания по русскому языку, выполненного магистрантами того же вуза КНР (материалы предоставлены Э.В. Малыгиной). Цель задания – смысловой анализ текста. Выдача и выполнение задания осуществлялись в часы аудиторной работы магистрантов. Домашняя подготовка включала в себя знакомство с рассказом В.М. Шукшина «Обида» на русском языке: этот рассказ является тем ситуационным фоном, на котором В.М. Шукшин формулирует понимание проблем коммуникации.

Задание: *В.М. Шукшин сформулировал следующим образом одну из задач его творческой эстетики: “Я представляю себе общество, где все грамотны, все очень много знают и все изнурительно учтивы. Это хорошо. Но общество, где все добры друг к другу, – это прекрасно. Еще более прекрасно, наверно, когда все и добры и образованны, но это – впереди” (В.М. Шукшин. Послесловие к фильму “Живет такой парень”). С какой целью, по вашему мнению, Василий Макарович Шукшин изображает в рассказе ситуацию конфликта?*

Выполнение задания предусматривает два основных этапа: первый, эвокативный, и второй, интерпретативный.

Первый этап предполагает, что магистранты должны преобразовать текст высказывания В.М. Шукшина в собственный текст, который будет являться ответом на вопрос: *Какие характеристики общества будущего значимы для В.М. Шукшина?* Решение задачи первого этапа необходимо, чтобы приступить к анализу смыслового уровня рассказа «Обида». На этом этапе магистрантам следует установить фрагмент действительности, представленный В.М. Шукшиным в тексте высказывания (с точки зрения эвокации и интерпретации это задание означает построение объекта эвокации). На втором этапе магистранты соотносят ситуацию конфликта в рассказе с идеей писателя об обществе будущего (= построить объект интерпретации).

Итак, обучающимся необходимо выполнить следующие действия:

- прочитать текст рассказа В.М. Шукшина «Обида» на русском языке;
- найти в переводном словаре значения новых для них слов и выражений, имеющих в рассказе;
- прочитать высказывание писателя и найти в нем ключевые слова (в соответствии с лингвистической теорией эвокации отыскиваются средства эвокации и эвокационные сигналы);
- сформулировать средствами русского языка главные черты общества будущего (=смоделировать продукт эвокации);
- истолковать значение ситуации конфликта для понимания идеи В.М. Шукшина (создается объект интерпретации).

В ходе выполнения задания были получены интерпретативные варианты объекта интерпретации. Приведем материалы магистрантов, обозначенных как А и В (тексты даны без изменений):

А: Это идеальное общество для человека. Но, честно говоря, это практически не существует. Как В.М. Шукшин сказал, он изображает ситуацию конфликта, чтобы научить людей принимать эту ситуацию, ведь она случается с нами часто. Только слабые люди будут

обижаться, мудрые и сильные люди будут простить (=прощать. – А.Ч., Э.М.) и все забыть (=забудут. – А.Ч., Э.М.).

В: Это очень прекрасное общество, где все добры и образованы. Но это просто идеальное общество и не реально в жизни. Это не возможно, что в нашем обществе нет никого ни злого, ни плохого, что в нашем обществе нет преступления. А если так, то наше общество не будет развиваться. Развиваться обществу помогают добро и зло. И поэтому В.М. Шукшин изображает в рассказе ситуацию конфликта.

В высказывании магистранта А объектом интерпретации является привычность ситуации конфликта в связи с регулярностью ее проявления. В высказывании магистранта В объект интерпретации – понятие зла как стимулятор развития общества.

Как видим, интерпретативные варианты объектов интерпретации различаются: каждый интерпретатор усматривает в тексте высказывания В.М. Шукшина разные сигналы.

По нашему мнению, это связано с рядом факторов; главные из них: 1) языковой: явное несоответствие тезаурусов писателя-публициста В.М. Шукшина и магистрантов, владеющих русским языком на Втором – Третьем сертификационных уровнях; 2) национально-культурный: участие в конфликте рассматривается в Китае как проявление слабости человека. Полученные данные подтверждают мысль о том, что для успешного понимания представителя иной культуры необходимо, помимо «вербального кода», учитывать и «внекодовые знания»: «невербальные коды культуры данного лингвокультурного сообщества» [Янашек и др. 2012: 7].

Варьирование объекта интерпретации демонстрирует значимость *homo communicans* в процессе создания и восприятия текста. Вопрос «презумпции верности интерпретируемости» (термин В.З. Демьянкова) сообщения остается открытым в силу того, что возникновение интерпретативных вариантов обуславливается множественностью представлений интерпретаторов о мире. Общий итог анализа состоит в том, что и в академической коммуникации эвокативная и интерпретативная стороны речекоммуникативной деятельности оказываются двумя компонентами одного процесса, который определяется, в конечном счете, фактором *homo communicans*.

Обобщенное представление результатов исследования. Их значимость. Основной результат проведенного исследования – выдвигание и представление важнейших филологических категорий коммуникации. Этот результат имеет статус частичного в решении общей задачи разработки предметной области филологической теории коммуникации, объектом которой является социальная (человеческая) коммуникация, представленная в знании в качестве совокупности теоретических и прикладных моделей, а предметом, в нашей версии, – речекоммуникативная деятельность человека по созданию и восприятию сообщения средствами языка коммуникации. Тем самым реализация замысла филологической теории коммуникации приблизилась к целостности, а эпистемологические шаги стали более обоснованными и уверенными. В более широком плане можно утверждать, что предложенные в статье филологические категории коммуникации вписываются в современную парадигму гуманитарного знания, в частности филологического и коммуникативного. Полагаем, что полученные результаты соответствуют заявленной во введении гипотезе.

Выдвинутые и представленные в статье филологические категории коммуникации, приведенные иллюстрации и развернутый анализ материала демонстрируют не только самостоятельность этих категорий, но и их тесную взаимосвязь; продвигают решение главной проблемы современной филологии – проблемы понимания: филологический и теоретико-коммуникативный взгляды на эту проблему, вопреки традиционно раздельному существованию, предстают интегрированно, что нацелено на повышение уровня осмысления коммуникативной практики, на преодоление разрывов в коммуникативной жизни общества, развитие филолого-коммуникативного знания. В этом состоит теоретическая значимость и практический смысл исследования.

Вместе с тем исследование открывает перспективы дальнейшего формирования филологической теории коммуникации как теории, входящей в состав гуманитарных дисциплин о коммуникации (философской, семиотической, психологической, социологической и др. теорий коммуникации). Нуждается в развертывании учение о методах и инструментарии исследования; о специфике реализации филологических категорий коммуникации в различающихся условиях общения человека с человеком, человека с машиной, человека и социума и т. д., в зависимости от интерсубъективной интерпретации ситуации – прежде всего на основе принципа «what-we-are-doing-in-and-through-communication» [Kaderka 2013: 40], что остается актуальным в современном обществе.

Заключение. Выдвижение и представление филологических категорий коммуникации, осуществленное в статье, является закономерным этапом в построении предметной области филологической теории коммуникации. Эта задача решена на основе современного понимания филологии как области знания, которая объединена идеей многообъектности, методологическим единством, отличается коммуникативной ориентированностью, имеет своим смысловым стержнем человека.

В работе рассмотрены следующие филологические категории коммуникации: многоязычия, диалогичности, эвокативности и интерпретативности. В совокупности эти категории позволяют филологически описать важнейшие грани речекоммуникативной деятельности человека по созданию и восприятию сообщения средствами языка коммуникации: многоязычие описывает инструмент речекоммуникативной деятельности (языки коммуникации), диалогичность – базовый принцип речекоммуникативной деятельности, эвокативность и интерпретативность – сугубо человеческие механизмы деятельности по созданию и восприятию сообщения с акцентом на левого (эвокативность) и правого (интерпретативность) участника акта речекоммуникативной деятельности. Каждая из категорий, если и не является базовой в теории коммуникации, так или иначе существенна в самой коммуникативной деятельности человека и хотя бы частично представлена в понятийном аппарате коммуникативных наук.

Даже краткое рассмотрение филологических категорий коммуникации показало его основные аспекты: сущностный, реализационный, контекстно-ситуативный – и факт схождения в фигуре человека (здесь: homo communicans). Полагаем, что расширение фактической базы исследования может стимулировать внесение корректив в схему и методы описания категорий, а возможно, и в их состав. Но, пожалуй, останется неизменным статус категорий – филолого-коммуникативный.

Литература

- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. С. 227–244.
- Дзялошинский И.М. Журналистика соучастия: как делать СМИ полезными людям. М.: Престиж, 2006. 104 с.
- Диалог и коммуникация – философские проблемы // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 3–27.
- Матханова И.П., Трипольская Т.А. Интерпретационные аспекты лингвистики: проблемы и перспективы // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретации. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 6–19.
- Руднев П. Иван Вырыпаев. «Сгорел дом, а в доме две собаки» // Новый мир. 2017. №5. С. 142–159.
- Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII. С. 35–73.
- Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации: статья первая // Филология и человек. 2011. № 4. С. 7–18.

Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации: статья вторая // Филология и человек. 2012. № 4. С. 146–156.

Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: основы эвokasiонного исследования. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2014. 138 с.

Чувакин А.А., Демидова Е.В., Малыгина Э.В. Творчество В.М. Шукшина в пространстве коммуникации. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2015. 132 с.

Янашек К., Митурска-Бояновска Й., Гаваркевич Р. Введение // Homo Communicans: человек в пространстве межкультурных коммуникаций. Щецин: Изд-во Grafform, 2012. 147 с.

Barnouw E. Preface [Электронный ресурс] // International Encyclopedia of Communications. New York, Oxford. 1989. V.1. URL: <http://www.asc.upenn.edu/gerbner/Asset.aspx?assetID=2223> (Дата обращения: 16.04.2013).

Kaderka P. Pragmatika situace // Slovo a slovesnost. 2013. R. 74. Č 1. S. 13–40.

Parolek R. Evokace uměleckého modelu světa v překladu: O tom, co se vlastně překládá // Československá rusistika. 1979. R. XXIX. Č. 5. S. 198–205.

Saicová Římalová L. Monografie o textové vícejazyčnosti // Naše řeč. 2005. R. 88. Č 2. S. 94 – 96.

References

Bahtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah. Opyt filosofskogo analiza [The problem of text in linguistics, philology and other humanities. Experience of philosophical analysis]. *Russkaja slovesnost': ot teorii slovesnosti k structure teksta* [Russian literature: from the theory of literature to the structure of the text]. Moscow, Academia Publ., 1997, p. 227–244.

Dzjaloshinskij I.M. Zhurnalistika souchastija. Kak sdelat' SMI poleznymi ljudjam [Journalism of complicity: how to make the media useful to people]. Moscow, Prestige Publ., 2006, 104 p.

Dialog i kommunikacija – filosofskie problem [Dialogue and communication – philosophical problems]. *Voprosy filosofii*, 1989, no 7, p. 3–27.

Mathanova I.P., Tripol'skaja T.A. Interpretacionnye aspekty lingvistiki: problem i perspektivy [Interpretational Aspects of Linguistics: Problems and Perspectives]. *Problemy interpretacionnoj lingvistiki: interpretatory i tipy interpretacii* [Problems of Interpretative Linguistics: Interpreters and Types of Interpretation]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Univ. Publ., 2004, p. 6–19.

Rudnev P. Ivan Vyrypaev. «Sgorel dom, a v dome dve sobaki» [Ivan Vyrypayev. «The house burned down, but there are two dogs in the house»]. *Novyj mir*, 2017, no 5, p. 142–159.

Chief U.L. Pamjat' i verbalizacija proshlogo opyta [The Recall and Verbalization of Past Experience]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Rainbow Publ., 1983, Issue XII, p. 35–73.

Chuvakin A.A. K postroeniju filologicheskoy teorii kommunikacii: stat'ja pervaja [On philological Theory of communication making: First article]. *Filologija I chelovek*, 2011, no 4, p. 7–18.

Chuvakin A.A. K postroeniju filologicheskoy teorii kommunikacii: stat'ja vtoraja [About construction of philological theory of communication : the second article]. *Filologija I chelovek*, 2012, no 4, p. 146–156.

Chuvakin A.A. Smeshannaja kommunikacija v hudozhestvennom tekste: osnovy evokacionnogo issledovaniya [Miscellaneous communication in fiction: bases of evocative study]. Barnaul, Altai State Univ. Publ., 2014, 138 p.

Chuvakin A.A., Demidova E.V., Malygina Je.V. Tvorchestvo V.M. Shukshina v prostranstve kommunikacii [V.M. Shukshin's prose in communication space]. Barnaul, Altai State Univ. Publ., 2015, 132 p.

Janashek K., Miturska-Bojanovska J., Gavarkevich R. Vvedenie [Introduction]. *Homo Communicans: chelovek v prostranstve mezhkul'turnyh kommunikacij* [Homo Communicans: A person in the space of intercultural communications]. Shtetsin, Grafform Publ., 2012, p. 7–8.

Barnouw E. Preface. *International Encyclopedia of Communications*. New York, Oxford, 1989, vol. 1. Available at: <http://www.asc.upenn.edu/gerbner/Asset.aspx?assetID=2223> (accessed 16.04.2013).

Kaderka P. Pragmatika situace. *Slovo a slovesnost*, 2013, r. 74, Č. 1, p. 13–40.

Parolek R. Evokace uměleckého modelu světa v překladu: O tom, co se vlastně překládá. *Československá rusistika*, 1979, r. XXIV, Č. 5, p. 198–205.

Saicová Římalová L. Monografie o textové vícejazyčnosti. *Naše řeč*, 2005, r. 88, Č. 2, p. 94–96.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Чувакин Алексей Андреевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка.

Алтайский государственный университет.

Россия, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61.

E-mail: chuvakin@inbox.ru

Малыгина Элеонора Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка.

Хэйлунцзянский институт иностранных языков.

Китай, 150025, Харбин, пр. Шида наньлу, 1.

Email: ehleonoramalygina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Chuvakin Alexei Andreevich, doctor of Philology, Professor of the Department of General and applied Philology, literature and Russian language.

Altai state University.

61, Lenin Ave., Barnau 656049 Russia

E-mail: chuvakin@inbox.ru

Malygina Eleonora Vladimirovna, candidate of philology, senior lecturer, Russian language Department.

Heilongjiang Institute of foreign languages.

1, Shida Nanlu Ave, Harbin City 150025 China

Email: ehleonoramalygina@yandex.ru